

ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Сегодня имя Максима Богдановича известно далеко за пределами Белоруссии. Книги письма неоднократно издавались в переводе на русский и украинский языки, они выходили в Польше, Англии, ФРГ, США и других странах. Однако не просто и не вдруг они приходили и приходят к всемирному и европейскому читателю. Об этом говорят, в частности, первые переводы произведений Богдановича на русский язык.

Первая русская книга белорусского поэта «Избранные стихи» увидела свет лишь в 1940 году. У литераторов сложилось мнение, что первые русские переводы из Богдановича, кроме, разумеется, автор переведов, появились только после Великой Октябрьской социалистической революции, т. е. после смерти автора знаменитого «Вяяна». Однако обращение к архивным материалам показывает, что еще до революции, при жизни писателя, делались попытки познакомить русскоязычного читателя с его творчеством.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, в фонде известного в свое время историка русской литературы, переводчика, публициста и критика Василия Евграфовича Чешихина-Ветринского находятся неизвестные до сих пор два перевода на русский язык стихотворений Богдановича «Возера» и «...Сэрца ныне, сэрца кроица ад болю». В переводе «Возера» не озаглавлено:

В чарке темной и глубокой
Плещет, пенистся вино;
Хмелем светлым и холодным
Колыхается оно.

И качается осока,

ЗМИТРОК БЯДУЛЯ называл его «человеком европейской образованности». Ни грана преувеличения! Об этом говорит все созданное Богдановичем — стихи, проза, публицистика.

В статье «Глыбы и слои» — обзоре белорусской литературы 1910 года — есть «самохарактеристика» поэта: «Што да Багдановича, то ў ім непрыкметна шпаркага развіцця, хоць асонація яго таленту выступаючы ужо даволі ясна. Гэта патэ — мальяр. Слабы як лірык, ён усю сваю ўагу звяртае на вобразнасць зместу верша... Што вартая гэта праца, скажаць пакуль што цяжка, а гаму, адзначыўшы даволі шырокі круг тэм у гэтых вершах і бледнасць мовы іх, я перахаджу да другарадных паз-таў...»

Полагают, будто эта «самохарактеристика» могла быть вписана в статью сотрудника «Нашай нівы». Мне кажется, есть аргумент в пользу того, что строки эти принадле-

ИСКУССТВО И МЫ

ВОСХОЖДЕНИЕ

жат перу Богдановича: остро-негативных характеристик («непрыкметна шпаркага развіцця», «слабы як лірык», «бледнасць мовы») приходит в противоречие с «практическим» отношением редакции к его поэзии.

В статье «Белорусское возрождение» Богданович как бы дополнил и прокомментировал «самохарактеристику» — говоря о поэзии Янки Купалы и Якуба Коласа, отметив: «В обзорах белорусской литературы к именам этих двух поэтов присоединяется и мое. Часть принадлежащих мне стихотворений составила вышедший в 1913 г. сборник «Вяяна». Конечно, с моей стороны уместна лишь характеристика, но не оценка их. Отмечу поэтому, что мое творчество было направлено главным образом на расширение круга тем и форм белорусской поэзии».

Здесь уже сознательно сняты самоуничижительные оценки, но явно заужена характеристика, отнюдь не сводимая лишь к «расширению круга тем и форм»...

Именно быстротой поэтического развития характерна муз Богдановича. Именно сила лиризма объясняет, почему этому поэту, как говорится, читателей не занимать. И уж язык его никак не назовешь бледным, несмотря на лексические «погрешности» против норм белорусского литературного языка, мощно шагнувшего вперед со временем Богдановича.

КОГДА-ТО ДАВНО, советясь с одним из моих учителей о целесообразности предпринять исследование «Богданович и Брюсов» (дескать, он не только «поэт — живописец», но и, подобно Валерию Брюсову, «поэт — ученый»), довелось услышать:

— Маловато материала... Рецензия Богдановича на брюсовскую книжку да кое-какие переклички в мотивах явно мало...

Сколько воды утекло с тех пор!.. Тем не менее живучая фетишизация «Богдановича и Брюсова» неоднократно углублялась в «внутренний смысл» творчества поэта — как часто оно ведет к неполноте представления о нем традиций и круга наследников нового. Выявляя логику внутреннего мира поэта, стоит помнить: не все факты становятся его душой и гибнет на крутых поворотах истории...

Максимом, Адамом Егоровичем

И шумит высокий бор,
И в душе не утихает
Струн веселый перебор.
Если первое стихотворение
можно отнести к пейзажной
лирике, то второе — к лирике
гражданской:

Сердце плачет-поет в злой
тоске по воле...
Как пойду из тесной хаты
в чисто поле,
В поле ветер ходит, песни
распевая...
Замолчи, отстань, тоска моя
немая!
Встану, встану я душой
в отваге львиной
Да зальюсь я песней больной,
соловьиной,
Позабуду я тоску мою,
недолю,
Размече ее по зелену
раздолю!

Стихи Богдановича написаны черными чернилами на отдельном листе бумаги и находятся рядом с переводами на русский язык некоторых стихотворений Т. Шевченко (...Уж солница вешніе скрывалась...), «Пророк», «...Зеленел и цвел барвинок» и И. Франко (...Под горой село лежит...). Под одним из переводов тем же почерком, только уже красными чернилами: Ч. Ветринский. Видимо, переводы предназначались для публикации, но по каким-то причинам не были опубликованы.

Когда же сделаны переводы?

Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение, ибо мы, по существу, сталкиваемся с первыми переводами про-

изведений Богдановича на русский язык. От них, возможно, мы теперь и будем отсчитывать время встречи Богдановича с русским читателем.

«Возера» и «...Сэрца ныне, сэрца кроица ад болю» впервые напечатаны в газете «Наша Ніга» в апреле и октябре 1911 года. В то время семья Богдановичей находилась в Ярославле. Под одним из стихотворений стоит авторская пометка: Ярославль, 1910 г. Видимо, в эти годы и перевел Чешихин-Ветринский, который был хорошо знаком с Богдановичами по Нижнему Новгороду, эти два произведения. Вполне возможно, что оригиналы были получены непосредственно от самого Максима Богдановича или его отца.

Более поздняя дата перевода мало вероятна, так как переводы написаны на листах бумаги со штампом: «Московское губернское земство. 1908 9 год». Вряд ли эти проштампованные листы могли храниться долго.

Кстати, в материалах того же Чешихина-Ветринского хранится еще один документ, который имеет к Максиму Богдановичу если не прямое, то косвенное отношение. Имеется в виду открытка отца поэта, известного в свое время этографа Адама Егоровича Богдановича, посланная в 1909 г. из Ярославля. Чешихин-Ветринский занялся в то время

составлением «Материалов к словарю писателей Нижегородцев», в котором, естественно, самое почетное место должен был занять Максим Горький. Вот что писал отец Максима Богдановича своему адресату, отвечая на вопросы анкеты: «Фамилия — Богданович. Имя — Адам. Отчество — Егорович. Год рождения — 1862 года. Дата рождения — 25 марта. Место рождения: местечко Холопеничи Борисовского уезда Минской губ. Время пребывания в Нижнем или в Нижегородской губ. — с 1896 года по 1908 год. Занятия — служба в Крестьянском банке. Главнейшие печатные труды и работы, посвященные Нижегородскому краю, — статьи в «Нижегородском листке» о деятельности Крестьянского банка в Нижегородской губ. под инициалами А. Б. 9 февраля 1909 г. А. Богданович».

Как мы отметили, в биографии Максима Богдановича это письмо имеет лишь косвенное отношение. Но если мы имеем дело с великим писателем, то и косвенные факты иногда имеют принципиальное значение. Тем более, что относятся они к самому близкому человеку — отцу поэта.

Вячеслав РАГОИША.

точно вспомнить мадонн Кузьмы Петрова-Водкина, Михаила Савицкого!

Богданович недаром был убежден, что религиозность мотива мадонны — исключительно внешняя, что скажет этот гораздо больше связано именно с самыми светскими интересами людей.

СТИХ БОГДАНОВИЧА удивительно живописен, изобразителен. Вся его поэзия убеждает, насколько чуток был он к взаимодействию искусств. В стройном очерке храма Святой Анны в Вильне он сумел увидеть строгость красоты. Именно строгость! Умел создать поэтический аналог живописи, например, Антуана Ватто («Прыгожы сад, які любію Ватто...»).

И еще он — «поэт-философ». Вот его тончайшее наблюдение над текстом «Слова о полку Игореве»: «Толькі народ, усім думкамі, усім рухам жыцця свайго прыкуты да хлебаробства, мог апісываць бітву ў тих словах: «На Нямізе (рацэ) снапы сцелюць галавамі, малоцяць цапамі харалужнымі, на таку жыццё кладуць, веюць душу ад цела...» (Подчеркнуто мною. — В. Б.). Битва, увиденная глазами человека, которому хлеборобство привычнее, нежели батальи. Он и описывает битву в системе представлений хлебороба, а не заправского воина..

А вот графически и эмоционально рельефный облик звездной ночи:

Я хацеу бы спаткаца з Вамі на вуліцы

У ціхую сінюю ноч

І сказаць:

«Бачыце гэтыя буйныя зоркі,

Ясныя зоркі Геркулес?

Да іх ляціць наша сонца,

І нясецца за сонцам зямля.

Хто мы такі?

Толькі падарожныя, —

папутнікі сярод нябес.

Нашто ж на зямлі

Сваркі і звадкі, боль і горыч,

Калі усе мы разам ляцім

Да зор?

Бесконечность Вселенной буквально встает перед глазами, когда переживаешь эти строки, красноречиво подтверждая выраженную в них пламенную, неистребимую жажду мира...

А уж он-то, познавший ужасы первой мировой войны, ринувшийся в деятельность на родной земле, когда там во всю свирепствовала война (просыпался в разрывов бомб!), понимал, сколько бедствий для людей, для культуры человечества, для культуры родного народа — от войны!..

ЧЕЛОВЕК, в чьем духовном обиходе были Максимилиан Волошин, и Аристарх Лентулов, Василий Кандинский и Сергей Городецкий (друг Блохин!), Александр Блок и Валерий Брюсов, — мог ли он не слышать пронзительный голос предотвратившего Маяковского?

Самоощущение поэта в мире важнее текстовых сближений, если хотим понять его место и в современной ему поэзии, и в нашем духовном мире.

Поэт, обогащая родную поэзию так, как обогатил белорусскую поэзию Богданович, становится достоянием всемирной литературы. Это восхождение Богдановича совершается на наших глазах. Венок его поэзии суждено в духовном сознании человечества приблизиться вплотную к сочинениям канонов Петарки, сонетам Шекспира, городским мотивам Верхарна, непостижимому строю души Маяковского... Стоило же он вплотную, духовном сознании купале, Коласу...

Всем нам еще предстоит освоиться Богдановичем, как говорят. И тогда поймем, что тот день в Ялте — 25 мая 1917 года — стал же трагичен, как день смерти Пушкина на Черной крепости, как день смерти Блохина...

Владимир БАЙКО.

Этот поэт типологически принадлежит к кругу отечественной поэзии, где светятся имена таких индивидуальностей, как Блок, Брюсов. Богданович вбирает, органично усваивая мощной поэтической индивидуальностью, и блоковский и брюсовское начало. Блок и Брюсов в его духовном мире значимы столь же, сколь Пушкин, Гейне, Горький, Купала, Колас...

НЕСОМНЕННО, во взглядах Максима Богдановича на исторические пути развития родного народа и его искусства немало внутренних противоречий. Мы их легко определяем, глядя из другой эпохи. А он — сын своего времени. Однака, мне кажется, невелика мудрость констатировать эти противоречия — достойнее увидеть динамику их преодоления поэтом. А духовный мир Богдановича чрезвычайно динамичен. И если, например, полагаем, что Богданович недостаточно осознавал значение для белорусского народа, для судеб его культуры воссоединения с русским народом, — здесь необходимы, на мой взгляд, более существенные комментарии, нежели ссылка на понимание им того, что с этой поры «пачалася ў жыцці Беларусі новая глава».

Разве не в будущее глядел он, когда незадолго до смерти писал весьма недвусмысленно: «Раз данные народы живут в одних и тех же государственно-культурных условиях, вместе работают над их усовершенствованием, вместе участвуют в государственном строительстве, знают общие победы и поражения, — они не могут быть чужды друг другу. Нужно только, чтобы эти эгоистические интересы отдельных народностей не подтапливали этой естественной

(Подчеркнуто мною. — В. Б.) государственной спайки».

И несколько ниже, выявляя отсутствие всякой национальной

ограниченности, определяя «именно русскую культуру» как «мощный фактор», сплачивающий народы: «Ее печать лежит на духовном творчестве любых народов России, она

всегда находит отклик в народе, —

они не могут быть чужды друг

другу. Нужно только, чтобы эти

эгоистические интересы отдельных

народностей не подтапливали

этой естественной спайки».

Позже, когда я читал эти

строки, я не мог не вспомнить

известного мне письма

Максима Богдановича к

Адаму Егоровичу:

«...если бы я мог

вспомнить, что я

записал в

сказкам, живописи Белоруссии нашего столетия...

Перечитывая созданное Богдановичем под углом зрения интересов изобразительного искусства, воочию убеждаешься: он знал искусство и успел высказать немало принципиального и для сегодняшней художественной практики. Да, для сегодняшней.. Это красноречиво подтверждают и его размышления о мотиве мадонны в мировом искусстве, и о народном творчестве, и о необходимости воспитывать в себе умение видеть новаторские поиски.. Так, говоря о взаимодействии творческого наследия и новаторских поисков, он устами одного из своих персонажей замечает: «Але не варта, усягды мне здавалася, рэч якую-небудзь толькі таму ганіць, што яна для нас за навіну прызнаца павінна. Но ўсё тое, што цяпер навіно завецца, праз час які старыно мае быць, для людзей усіх станау звыклай, а ушанавання і абароны годнай». Согласитесь, что мысль эта не устарела..

Поэт ориентировался в древней, классической и современной ему живописи. Имена Рафаэля, Сальватора Розы, Айваз